

Мать Цзи Юйху была лишь наложницей, без имени и положения, а сама она не хотела выходить замуж за Лэ Юя и становиться частью семьи Цзи. Он сказал:

— Это не какая-то знатная дама, просто мать моего сына и его бабушка.

Молодой монах почувствовал отвращение — она даже не была его женой, это было незаконное сожителство. Однако, думая о золоте, он сказал:

— В таком случае, паломник может установить поминальные таблички для... этих двух женщин и зажечь по девять лампад для каждой в боковом зале...

Лэ Юй ответил:

— Я слышал, что в вашем храме можно зажечь 999 лампад.

Молодой монах с трудом сдерживал себя и, не скрывая недовольства, сказал:

— Наш храм, хоть и небольшой, но всё же имеет достоинство! 999 лампад могут быть зажжены только для самых почтенных людей! Купцы, сколько бы они ни жертвовали, никогда не смогут...

Лэ Юй никогда не верил в богов и будд, и пришёл сюда только для того, чтобы выполнить последнее желание Цзи Юйху. Но здесь, перед статуей Будды, он столкнулся с таким монахом.

Молодой монах замолчал, когда высокий и сильный паломник посмотрел на него. В первый момент он не разглядел его лицо, но почувствовал, как его охватил страх, и холод пробежал по спине. Он опустил голову, не решаясь произнести ни слова.

Но паломник спросил:

— Самые почтенные люди?

Молодой монах едва стоял на ногах, а Лэ Юй продолжил:

— Учитель, ответьте мне от имени вашего храма: достойна ли мать следующего правителя Острова Пэнлай этих шести слов?

Три дня спустя, в восточном дворце наследного принца, под деревом, усыпанным цветами, Су Цы, сменившая Не Фэйлуань в Павильоне Весеннего Дождя, осторожно доложила о нескольких делах.

Последнее было труднее всего произнести. Она, казалось, догадывалась, что между наследным принцем, чья красота была известна, но чьи мысли были непредсказуемы, и правителем Острова Пэнлай Лэ Юем существовали некие невысказанные отношения. Но если она скроет это от принца, то в будущем её ждёт его гнев.

Су Цы тихо сказала:

— Согласно моим источникам, три дня назад правитель Острова Пэнлай появился в городе Учэн области Сучжоу. От имени своего новорождённого сына он, по примеру императора Чжоу, установил поминальные таблички для своей покойной матери и бабушки в Храме Холодной Сосны и зажёл 999 вечных лампад.

Сяо Шанли ценил Су Цы за то, что она говорила только то, что нужно было сказать, и ни слова лишнего. В этих нескольких фразах он услышал, что Лэ Юй стал отцом, что мать его сына умерла, о его жалости к этой женщине и о том, как он ценит своего новорождённого сына.

Сяо Шанли услышал каждое слово, вспомнил все изменения, произошедшие за последние месяцы, но, как во сне, медленно произнёс:

— Что... ты сказала?

В боковом зале служанка, посланная наложницей Гао, вернулась с докладом:

— Его высочество разговаривает с незнакомой служанкой.

Женщина, сопровождавшая Гао Яньвань, спросила:

— Это служанка от главной жены? Что она сказала его высочеству?

Гао Яньвань мягко заметила:

— Что ещё она могла сказать? Главная жена — «образцовая женщина», и у них с его высочеством глубокая привязанность.

В её словах сквозило пренебрежение. Хотя она по положению называла Тянь Мими «старшей сестрой», она была на два года старше её. Она думала, что принцесса Восточного У, выйдя замуж за наследника Чу, окажется в изоляции, но та незаметно захватила инициативу.

Изначально наследный принц договорился с её дедом, Гао Э, что через месяц после свадьбы с принцессой Яньцин он женится на Гао Яньвань как на наложнице. Но Тянь Мими сама попросила императора назначить её наложницей, и свадьба с Гао Яньвань состоялась в тот же день, что и её собственная. Также распространились слухи, что наследный принц собирается

жениться на других знатных девушках. Принцесса Восточного У, всё ещё в свадебном наряде, с улыбкой сказала: «С этого дня все сёстры будут частью внутреннего двора его высочества, независимо от положения, и должны жить в гармонии и старательно служить». Все женщины должны были преподнести ей чай, и Гао Яньвань не могла не ненавидеть её.

Сегодня наследный принц пришёл в её покои, а главная жена прислала служанку с сообщением, что просит его высочество проявить больше заботы к наложнице Гао и остаться в её покоях, чтобы не посещать её за ужином, как это было принято.

Пока Восточное У не потеряет своего влияния, принцесса Яньцин будет твёрдо держаться на своём месте. Но наследный принц никогда не позволит ей родить наследника. Он уважает её, но не испытывает к ней особой нежности. Что касается благосклонности, то сейчас в восточном дворце даже главная жена уступает ей.

Наследный принц только что сказал, что цветы у её покоев прекрасны, и вышел посмотреть на них. Гао Яньвань, хотя и знала, что с ним разговаривает служанка, не придавала этому значения. Ведь сам наследный принц был настолько красив, что при первой встрече она даже почувствовала себя неловко. Служанки среднего вида, кокетничая, только выставляли себя на посмешище. Гао Яньвань только посмотрела на виноград в золотой тарелке и с презрением сказала служанке:

— Помой мне руки.

За пределами зала Су Цы молча опустилась на колени. Сяо Шанли больше не спрашивал её. Осенний пейзаж в дворце был прекрасен, но он сжал пальцы, и боль, как нож, разрывала его внутренности, не давая произнести ни слова. Он никогда не сомневался, что Лэ Юй любит его до безумия, но теперь он знал, что тот позволил другой женщине родить его сына! По расчётам, это произошло прямо у него под носом!

Сяо Шанли был почти уничтожен ревностью, но его сердце становилось всё холоднее. На его лице не было ни единого изъяна, и он сказал:

— Уходи. Скажи Гу Цину, что Управление Чуйгун должно хорошо обращаться с мастерами боевых искусств Цзяннань, стараясь привлечь их на нашу сторону. Я хочу, чтобы Остров Пэнлай стал настоящим островом одиночества.

Он приказал слугам срезать несколько веток цветов и медленно вернулся в зал, сохраняя спокойствие, как будто действительно вернулся с прогулки за цветами.

После нескольких месяцев общения его красота всё ещё заставляла Гао Яньвань терять дар речи. Служанки подняли занавес, а несколько других подошли, чтобы снять с него тонкий плащ, развернуть его и убрать, а ветки цветов поставить в агатовую вазу.

Гао Яньвань, увидев, что Сяо Шанли вернулся, протянула руки, чтобы поприветствовать его, а

затем положила их на таз, где служанка полила их тёплой водой и осторожно вытерла полотенцем. Рядом с ней стояла золотая тарелка, полная фиолетового винограда, а на другой тарелке лежал виноград, очищенный от кожуры и с удалёнными косточками, каждый кусочек был идеален.

Сяо Шанли сел рядом с ней на диван. Его лицо было холодным, но в его глазах была правильно дозированная нежность, когда он посмотрел на наложницу:

— Почему ты этим занимаешься?

Гао Яньвань опустила голову и улыбнулась:

— Старшая сестра Тянь, узнав, что ваше высочество здесь, только что прислала его. Я не осмелилась отказаться от её доброты, к тому же я... хотела сделать что-то для ваше высочество своими руками.

Она взяла маленькую ложку и отрезала половину винограда, затем своими изящными руками поднесла его к губам Сяо Шанли. На её пальцах остался сладкий сок винограда. Сяо Шанли наклонил голову, взял виноград и обнял её. Она покорно прижалась к его груди, и, глядя на них, можно было подумать, что наследный принц и наложница были очень близки и счастливы, вызывая зависть у окружающих.

А на Южном море, на закате, когда волны были высокими, а ветер сильным, на носу большого корабля стоял высокий мужчина с мечом на поясе, одетый в чёрное, и смотрел на облака вдалеке. Ветер с моря развеивал его одежду. Подчинённые из торговой ассоциации Острова Пэнлай не решались его беспокоить, и, посоветовавшись, один из них выбрался из каюты и, преодолевая ветер, который слепил глаза, подошёл и сказал:

— Правитель, мы будем там через час! Но, похоже, скоро начнётся шторм, и если мы не замедлим ход, это может напугать маленького господина...

Лэ Юй вернулся в каюту. Внутри было просторно, и в коридоре несколько управляющих Острова Пэнлай, одетых в конфуцианские одежды и с убранными волосами, поклонились и последовали за ним в зал.

В зале было тепло, как весной, толстый ковёр заглушал шаги, и царил тишина. Кормилица с мягкими чертами лица и чёрными волосами, украшенными жемчужной шпилькой, увидев Лэ Юя, осторожно подняла ребёнка, завернутого в пелёнки, и доложила:

— Маленький господин поел и только что уснул.

Лэ Юй спросил:

— Маленький господин не капризничал во время путешествия?

Кормилица ответила:

— Правитель, странно, но ни разу.

Управляющие переглянулись, и один из них спросил:

— Правитель, маленький господин... это путешествие...

Лэ Юй повернулся и сказал:

— Не нужно подстраиваться под него. Этот шторм его не испугает.

Управляющие сказали «Да» и замолчали. Все думали, что правитель вернулся с мальчиком неизвестного происхождения, и его характер изменился, что вызывало много вопросов... Он не сказал ни слова лишнего, повернулся и ушёл. Все смотрели на его спину, особенно на его волосы, и горько улыбались, не решаясь высказать свои догадки.

Но через полчаса, когда Остров Пэнлай уже был виден в тумане, моряки вдруг почувствовали неладное. Хотя вокруг острова обычно было спокойно, но никогда до такой степени.

Корабль вдруг сильно тряхнуло, как будто произошло землетрясение, и все потеряли равновесие. Моряки внизу закричали:

— Беда! Дно корабля пробито! Пробито! Рог, дьявольский рог!..

<http://bllate.org/book/15272/1348123>